

Институт филологии, массовой информации
и психологии Новосибирского государственного
педагогического университета
ул. Виллюйская, 28, корп. 3, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: ssom@hotmail.ru

«КАЛЕНДАРНО»-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ИЗДАНИЯХ

В статье исследуются газетно-журнальные тексты советского и постсоветского периодов, с семиотических позиций рассматривается реализация их в парадигме «календарно»-хронологического измерения. Слово «календарный» используется в буквальном смысле: одним из объектов настоящего исследования является советский текст под названием «Настольный календарь» – периодическое печатное издание, адресованное массовой аудитории.

Ключевые слова: периодическая печать, дискурс хронологии, современное медиа-пространство, симулякр, соцреалистический канон, массовый читатель, советская пропаганда, Интернет, постмодернизм.

Еще в 1960-е гг., в эпоху становления системы аудиовизуальных СМИ, Ж. Бодрийяр подверг критике формирующуюся постиндустриальную цивилизацию: «Реклама и “новости” составляют... одну и ту же визуальную, звуковую и мифическую субстанцию... Журналисты и специалисты рекламного дела – это *мифические операторы*: они ставят на сцене, придумывают объект или событие. Они его “переинтерпретируют” – в крайнем случае, они его обдуманно конструируют» [2006]. В согласии с общепостмодернистским дискурсом Александр Генис высказал мысль, что «только дураки и по инерции по-прежнему считают газету “средством массовой информации”. Сегодня это просто не так. Газете больше нет нужды нас информировать – мы и без нее все знаем» [2009].

Очевидно, что современная новостная и развлекательная парадигмы являются мощным механизмом производства симулякров и, следовательно, механизмом власти дискурсов. Одним из таких манипуляторов стал так называемый календарный, точнее хронологический, дискурс, о котором И. В. Силантьев сказал: «Хронологизация – одна из наиболее простых и эффективных форм контроля за дисциплиной дискурса, и эта форма издавна внедрена в дискурсную

практику власти на любом ее институциональном уровне» [2006. С. 50]. И далее: «Правомерно ли ставить в один ряд жанры, казалось бы, столь далекие по существу и по времени своего бытования? В нашем случае вполне правомерно – с точки зрения их приобщения к хронологическому порядку и самому *дискурсу хронологии* с точки зрения той важной роли, которую в таких текстах приобретает принцип учета времени, – и с точки зрения того значения, которое эти жанры несли в организации повседневной жизни человека. Вспомним, какую незаметно-существенную роль играли календари в жизни советского обывателя! Листки календаря являлись ежедневным привычным – но и идеологически организующим, “управляющим” чтением, приобщавшим своего читателя к миру высокой и правильной событийности... Самое интересное здесь то, что в системе повседневности газета достаточно ощутимо выполняет роль все того же бытового календаря. Она также вводит нас одновременно и в мир хронологии, и в мир событийности...» [Там же. С. 51–52].

В современном медиапространстве дискурс «знаменательных и памятных дат» представлен в несколько дисперсном виде: тематически универсальные издания предпочитают посвящать отдельные рубрики

юбилейным датам. Чаще всего это демонстрируется достаточно просто: в виде последовательного хронологического перечисления, что, впрочем, свойственно календарю как особой структуре. Вторая форма реализации «календарного» дискурса – вкрапление значимых цифр непосредственно в публицистический материал. Кроме того, значительная часть журналистских текстов и особенно телепроектов приурочена к круглым датам со дня рождения или смерти кого-либо из известных и великих либо к юбилеям исторических событий (одно из последних – 20-летие августовского путча 1991 г. и последовавшего за ним распада империи)¹.

Безусловно, что «календарный» дискурс – одна из форм общей симуляционной действительности – возникает в древности как удобная система регламентации социума. Другое дело, что в новейшее время он приобретает еще большее ритуально-мифологическое значение, становится неотъемлемым элементом массового сознания, стереотипом, выгодно транслируемым средствами массовой информации. Выгода в данном случае налицо: у СМИ есть возможность, во-первых, бесконечного продуцирования дискурсов и, следовательно, решения проблемы поиска журналистских тем и наполнения текстами газетного пространства и телерадиоэфира; во-вторых, структурировать жизненные процессы, если рассматривать их как некое количество дискретных событий; в-третьих, выстроить иерархию идеологических и нравственных ценностей согласно требованиям эпохи; в-четвертых, письменно зафиксировать некий временной опыт человечества, сделав его артефактом, материализовав.

В этом смысле интересным для исследователя представляется как исторический, так и современный аспекты поставленной в заглавии проблемы. В позднее советское время существовала уникальная, на наш взгляд, ипостась юбилейного дискурса, имевшая название «Настольный календарь». Календарь представлял собой некую пограничную форму между СМИ (выпускаясь

регулярно – раз в год и имел постоянную рубрикации) в его журнальном варианте и книгой. Кроме того, уникальность данного объекта заключается в том, что он представляет собой предельную концентрацию советского идеологического дискурса².

Само название издания отражает его жесткую стандартную структуру: весь журнал разбит на 12 частей в соответствии с месячной хронологией. Каждый раздел открывает рубрика «Знаменательные и памятные даты», определяющая всю композицию номера. В рубрике, точнее сказать, в семиотическом ориентире всего издания (внутри журнала наиболее значительные даты сопровождаются развернутым материалом), представлены прежде всего даты рождения и смерти партийных и советских руководителей, причем последние отобраны в согласии с ценностной иерархией недавнего прошлого. Второй составляющей является информация о знаменательных событиях: восстаниях и стачках революционных рабочих, освобождении территорий от белогвардейцев и немецких оккупантов. Образы «законных» представителей «Настольного календаря» – партийных деятелей – реализуются на страницах издания в классическом риторическом дискурсе соцреалистического канона. Например, в колонке с патетическим названием «Пою о мире»: *мы говорим... о той термоядерной (войне. – М. М.), к неизбежности которой пытаются приучить людей поджигатели войны... Остановить их – нет задачи более важной для каждого человека* (Настольный календарь. 1985. С. 8)³. Вся структура «Настольного календаря» строится на соцреалистической идеологеме «жизнь – борьба». В случае с революционными деятелями эта мифология предстает в своем идеальном варианте. Приведем ряд примеров. О Я. М. Свердлове: *Пока бьется у меня в груди, пока в жилах моих струится кровь, я буду бороться...* (с. 86); о М. В. Фрунзе: *Он никогда не терял связи с партией, с революционным движением. Он учился марксизму-ленинизму* (с. 21). Отметим, что в целостности идеологического дискурса нет и не

¹ В данном случае возникают два вопроса. Во-первых, насколько практически и реально значимы даты как таковые в жизнедеятельности человека? Во-вторых, почему мифология именно круглых цифр становится, по сути, гипнотической, особенно когда транслируется различными масс-медиа?

² Миллионными тиражами Политиздатом в СССР выпускались и другие подобные календари: «Календарь школьника», «Женский календарь», «Молодежный календарь», «Ленин», «Карл Маркс» и др.

³ Далее по тексту при отсылке на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

могло быть таких имен, как, скажем, Л. Д. Троицкий.

В качестве исключения в тексте фигурируют, например, имена А. П. Чехова и Ц. А. Кюи, «русского композитора, музыкального критика, ученого в области фортификации» (с. 4). Впрочем, эти имена встроены в контекст «гармонично». Статья о Чехове скомпонована из эпитафии – цитаты из «Трех сестер» (слова Вершинина, которые якобы произносит сам Чехов) – и коротких выдержек из воспоминаний его современников: К. С. Станиславского, М. Горького, А. И. Куприна, К. И. Чуковского. Подобная стратегия вполне традиционна для так называемого школьного дискурса, в котором часто реплики героя художественного произведения приписаны автору текста.

Процитируем часть эпитафии: *Через 200, 300 лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной...* Далее тема «прекрасной жизни» продолжена высказыванием Горького: *Он был целомудренно скромн...;* Куприна: *Он – этот «неисправимый пессимист», – как его определяли, – никогда не уставал надеяться на светлое будущее... и здесь звучал... тот же мотив о радостном будущем;* Чуковского: *...и тогда убедились бы, что это – героический волевой человек* (с. 9). Как видим, в материале настойчиво подчеркивается вырванная из контекста идея «светлого будущего» и «железного человека», который «идеально вписывался в тоталитарный синтез искусств» [Гюнтер, 2000. С. 14].

Как утверждает Е. Добренко: «Самое понятие классики, безжалостно третировавшееся адептами революционной культуры от ЛЕФа до Пролеткульта, предстает в советскую эпоху в качестве “реестра фигур, текстов и норм их интерпретации, отобранных и препарированных (вплоть до отрывков и цитат)... от лица верховной власти”» [1997. С. 142]. И далее: «По сути, отказавшись от “вульгарного социологизма”, советская школа вернулась к позитивистской историко-литературной схеме... Базовые категории советской школы при подходе к литературному тексту (“основная мысль автора (произведения)”, “идейное содержание”, “идейный замысел” и пр.) были по сути лишь рационализацией и инструментализацией оптики массового читателя» [Там же. С. 148–149].

Таким образом, по мнению Е. Добренко, школьная литсхоластика, а по большому счету и вся советская словесность, складывается из трех традиций: русской реалистической классики, советской идеологии и массовой литературы. Самое главное, что литературный процесс (шире – искусство) на страницах современной «желтой» прессы представлен практически в неизменном виде и сейчас. Другое дело, что изменилось соотношение названных выше составляющих. На первый план, как нам видится, выступила последняя (безусловно, при сохранении первой, почти «архетипической» для нашей культуры). Причем трансформации эти можно в полном смысле назвать постмодернистскими, смешивающими до полного неразличения массовую и элитарную культуру: в качестве новой «эстетики» выступают не только так называемые маргиналы, что вполне оправданно, но и такие «приличные» персонажи, как Николай Басков, Алла Пугачева – современный аналог соцреалистических Стаханова или Утесова. В поле знаний современного массового читателя вводятся совершенно неактуальные в свое время даты и люди, таким образом выстраивается особое масс-культурное пространство, «населенное» фигурами-двойниками соцреалистических героев, возможно, неосознанно пародийными, карнавально перевернутыми. По этому поводу весьма верно сказано И. В. Силантьевым: «Но о чем информирует “Комсомольская правда”? Как всякий нормально сделанный таблоид, эта газета не информирует и даже не дезинформирует, а открывает перед читателем какой-то свой, особенный мир героев, вещей и событий, не имеющий прямого отношения к тому миру, в котором живет и которому свидетельствует своим существованием читающий эту газету обыватель. На языке семиотики такую газету можно охарактеризовать как коммуникативно динамический мир знаков, которые только притворяются, что отсылают к известным денотатам, но на самом деле осуществляют своего рода референциальную подмену и отсылают читателя к специально сконструированным в этой газете сигнификатам и коннотатам» [Силантьев. С. 116]. Это, подчеркнем еще раз, демонстрируют СМИ. В школе же до сих пор сохраняется, при безусловно положительных тектонических сдвигах в литературном образовании, старый тип восприятия

культуры, назовем его условно позитивистским.

По ходу продвижения читателя внутрь сборника временной дискурс лаконично модифицируется в пространственный, приобретаемая очертания конкретных географических объектов. Это реализуется в рубрике «По нашей стране», представившей серию мини-очерков: «Оймякон», «Аджарская АССР», «Хива», «Азербайджанская ССР». В рамках соцреалистического дискурса реализуется в «Календаре» так называемая страничка сатиры и юмора. Помимо прозаических опусов, в которых в соответствии с советской идеологической доктриной подвержены сатирическому осмеянию «отдельные недостатки» в производственной сфере, в сборнике есть тексты, созданные почти в классицистической басенной традиции:

Заспорили два шустрых воробья:

– Умнее я!

– Нет, я!

– Нет, я!

Был дятел очевидцем этой вспышки

(с. 15).

Впрочем, для советского «классицизма» жанр басни был традиционен. Вспомним хотя бы «генерала» социалистической детской литературы Сергея Михалкова. Таким образом, журнал презентуется и как литературно-художественный: на страницах издания помещено много поэтических текстов, откровенно графоманских и предназначенных для обслуживания идеологии.

Что касается непосредственно характера цифр, то в «Настольном календаре» представлено два их вида: «круглые» (100, 80, 50, 20 лет и т. д.) и полукруглые (25, 35, 125 лет). Безусловно, такая градация имеет более архаический характер и связана не с советской пропагандой. Наиболее значимые даты напечатаны крупным шрифтом: в основном это иерархия советских праздников – 23-е Февраля, 1-е Мая, 9-е Мая, 8-е Марта, день рождения Ленина и т. д. Очень характерен для сборника вынос списка рубрик на обложку: «Образ жизни – советский», «Страница атеиста», «В странах капитала», «Взрослым о детях», «Наука и техника», «Видеть красоту», «В союзе равных», «Всенародные праздники» и т. д. Таким образом в «Настольном календаре» делается попытка охватить по возможности

все основные сферы бытия человека, материализовать их в виде дат и цифр. Заметим, что ряд материалов подписан известными публицистами – Василием Песковым и Виталием Коротичем. Последняя фамилия знакома нам по журналу «Огонек» – популярному в конце 1980-х гг. ежемесячнику, в котором выстраивалась уже новая мифология, связанная с деконструкцией советских мифов. Знаменательно, что «Настольный календарь» датируется 1985-м годом – границей смены ментальных парадигм.

В качестве развернутой иллюстрации «хронологического» дискурса в журнале представлен материал под названием «Листики календаря» – о настольных листках Ленина: *Эти драгоценные реликвии великой эпохи бережно сохраняются вот уже несколько десятилетий. На них сделаны бисерным почерком пометки и лаконичные записи вождя* (с. 52). В этой небольшой заметке настойчиво повторяется идея временного структурирования мира (подчеркнуто нами. – М. М.): *владея феноменальной памятью, Ленин тем не менее каждый раз записывал время начала заседаний Политбюро...; Вот как, например, Владимир Ильич планировал прием посетителей в течение трех часов...; листок календаря за 25 октября 1921 года; в необычайно экономно распланированном рабочем кабинете Ленина были не только настольные календари. И поныне в рабочем кабинете Владимира Ильича висит настенный табельный календарь 1922 года* (с. 52). Как видим, хронологическая лексика является смысловой скрепой композиции всего текста, настойчиво демонстрируя идею запланированности, космологичности бытия.

Безусловно, советские СМИ демонстрировали пример тотальной идеологической композиции не так часто, как может представляться на первый взгляд, что наблюдается и в «календарном» дискурсе современных СМИ. В данном случае изменились приоритеты отбора юбилейных дат и исторических фигур. Точнее сказать, сейчас наблюдается определенная эклектика, продуцируемая постмодернистской, фрагментарной в своей основе, поэтикой. На страницах брендовых российских газетно-журнальных изданий, таких как «Российская газета», «Новая газета», «АиФ», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд-7» и др., юбилейные знаки отображены согласно

двум принципам. Во-первых, по принципу известности: это артисты, телеведущие, писатели. Причем диапазон колеблется от откровенно «желтых» фигур, о чем упоминалось выше, до относительно внесоветских исторических персонажей. Статьи о последних стали действительно информативнее, но не столько из-за поступления ранее малоизвестной информации, сколько за счет конструирования их нового имиджа, требующего карнавально перевернутых по сравнению с советскими элементами концепта (например, «чистая этика» заменена порой на откровенную девиантность). Так, по поводу канонизированной в советское время фигуры М. В. Ломоносова выстраивается новая мифология. Впрочем, абсолютной деконструкции старого мифа в современных масс-медиа не происходит. В популярном журнале «Биография» сохранены основные мифологемы имиджа Ломоносова – «выходец из народа», «жажда знаний», «выдающийся ученый», однако появляются новые элементы – «пьяница», «дебошир», «скверный характер».

Впрочем, некоторые пограничные между таблоидом и качественной прессой издания не лишены и изысков стиля. Вполне ироничны заголовки и лид к материалу, напечатанному в газете «Труд-7»: «В чужой мавзолей не ложись» и «50 лет назад было решено изгнать Сталина из-под бока Ленина»⁴. Заголовок не только обыгрывает общеизвестную поговорку, но, возможно, у относительно компетентного читателя вызывает ассоциации с названием пьесы А. Н. Островского «Не в свои сани не садись». Слова «изгнать» и «из-под бока» профанируют сакральные в свое время фигуры. О постмодернистских тенденциях в языке и стиле средств массовой информации в 1990-е – начале 2000-х гг. написано много. Приведем одно из высказываний: «Деавтоматизация проявляется и в отходе от схематичности при трансляции фактов, и в свободе выбора средств номинации. Семантическая пустота экспрессивных наименований тоталитарной идеологии... жесткая прикрепленность оценок и сращивание политического и этического... преодолеваются игрой с формой слова, цитатой, непринужденным переходом

с одного стилистического регистра на другой...» [Сметанина, 2002. С. 52]. Несомненно, что представители более позднего поколения, незнакомые с советскими риторическими механизмами, скорее всего, не считывают данной метаинформации. В начале 2010-х гг. подобная ироническая игра, безусловно, продолжает составлять стратегии современных журналистов, но чаще всего по отношению либо к фигурам социалистического прошлого, либо к популярным артистам. Впрочем, в настоящее время тексты о «звездах» зачастую становятся причиной судебного разбирательства.

Интересны способы эксплуатации юбилейных тем в художественно-одиозной газете «Литературная газета», сохранившей позитивистскую патетику и ортодоксальный академизм: на последней странице мелким шрифтом напечатаны объявления о различных конкурсах, посвященных 200-летию Царкосельского лицея и 340-летию со дня рождения Петра I. Если концепт «Царкосельский лицей» еще как-то традиционен для массового сознания, то последний именинник представляет, на наш взгляд, нечто новое в «праздничном» дискурсе.

Второй принцип ввода юбилейных дат, по-видимому, сугубо риторический, выполняющий стилистическую функцию. В «Новой газете» читаем: *40 лет назад «Москва – Петушки» Ерофеева оказалась за рубежом* – так начинается статья⁵. Отметим, во-первых, условность «юбилея» – все же это не день рождения; во-вторых, сам объект описания, вызывающий вполне оправданное уважение со стороны читающей элиты.

Таким образом, возможно предположить, что чем массовее издание, тем более в нем представлен хронологический дискурс. Так, в Интернете – особом медийном хронотопе – «календарный» дискурс, как и многие другие дискурсы, приобретает значение безграничного гипертекста, некоей борхесовской Вавилонской библиотеки. Читаем следующее: *Вы находитесь на сайте CALEND.RU, где собрана самая полная в Рунете информация о праздниках, именинах, днях городов, памятных датах и прочих знаменательных событиях. Вы можете собрать из них личный календарь, добавить*

⁴ Труд-7. Ежедневная газета о семье и жизни. 2011. 27 окт. URL: <http://www.trud.ru/trud7/>

⁵ Новая газета. 2011. 26 окт.

свои комментарии, фото и видео к праздникам, установить информеры на свой блог или сайт⁶. Здесь есть все, вплоть до даты праздников Вуду в Бенине. Впрочем, это уже тема другой статьи.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время «праздничная» символика, во-первых, меняет свои ценностные ориентиры, во-вторых, пространство «календарного» дискурса тотально расширяется, постепенно захватывая и имплицитно регламентируя все возможные сферы жизнедеятельности человека, и, в-третьих, влияет на масс-медийные структуры, продуцирующие симулякры и конструирующие механизмы власти.

⁶ Информационный сайт «Календарь событий». URL: <http://www.calend.ru/>

Список литературы

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. URL: <http://knigosite.ru/>

Генис А. Цена арьергарда // Новая газета. 2009. 13 февр.

Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон: Сб. ст. СПб., 2000.

Добренько Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смешений. М., 2006.

Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2011

M. Yu. Markasov

CALENDAR AND CHRONOLOGIC DISCOURSE IN SOVIET AND POST-SOVIET PUBLICATIONS AND PERIODICALS

The author examines articles from periodicals of the Soviet and post-Soviet times. They are investigated in the semiotic aspect of the calendar and chronologic paradigm. The word «calendar» is used literally: one of the objects of this study is the text of the so-called «desk calendar», a periodical addressing the mass reader.

Keywords: periodicals, chronologic discourse, modern press environment, simulacra, social realism pattern, mass reader, Soviet propaganda, internet, postmodernism.